

СТАРОДУМ

Станислав
РАССАДИН,
обозреватель «Новой»:

**«Надоедливо идет
не борьба
за Есенина, а возня
вокруг него»**

Так естественно, так объяснимо, что последние есенинские строки: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» — должны были запеться, лечь на голос — томного Вергинского или «ресторанного» парижского цыгана Алеши Дмитриевича; им не вышло урона ни от отчаянной отсебятины, ни от неизменной романской надрывности, ни даже — или тем более? — от кабашкой разухабистости: «До свиданья, эх, доготели свечи... Но и жить, по-ятоно, не нове-е-ей...».

Куда удивительнее, что беспризорные в поездах немедля запели и текст предсмертной записи Маяковского — с ее «всем, всем, всем!», с деловитой озабоченностью, дабы фининспектор взыскал невыплаченный налог (чистота перед государством), с полемической шпилькой в бок суперничожному литподонку Ермилову.

Правда, как запели! «Товарищ правительство, пожалей мою маму / И белую лилию — сестру. / В столе лежат две тыши, / Пусть фининспектор взыщет, / А я себе спокойненько помру». И мало того, что эмансирированная Л.Ю. Брик в согласии с простодушной фольклорной эстетикой преобразилась в символ чистоты — лилию (белую!), — но само обращение государственного человека, таковым себя и сознавшего, к «товарищу правительству» с заслуженной просьбой обеспечить материально и Лилию, и маму с сестрами, заменилось мольбой. Такой понятной для людей из народа в их привычных отношениях с привычно жестокой властью: «Пожалей!».

Между прочим, точно так же в дивной песне Юза Алешковского «Есенин Сержа», привстав напоследок из гроба, поминает вечного своего соперника: «Вот себя мне нисколько не жалко, / А Владимира Владимира жаль!».

Так или иначе оба антиподы-самоубийцы, уходя в стихию фольклора, в народ, оказываются в позиции страдальческой. «Владим Владими» — вопреки своему самосознанию, а «Сережа»... Он из этой стихии и не уходил.

Речь не о том, чтобы одного унизить за счет другого. Просто невозможно представить, чтобы вторая смерть Маяковского (так Пастернак определил пресловутую сталинскую формулу, поистине убийственно для поэта нормативно назначившую «лучшему, талантливейшему» его место в границах эпохи — «нашей советской») настигла Есенина (как и того же Пас-

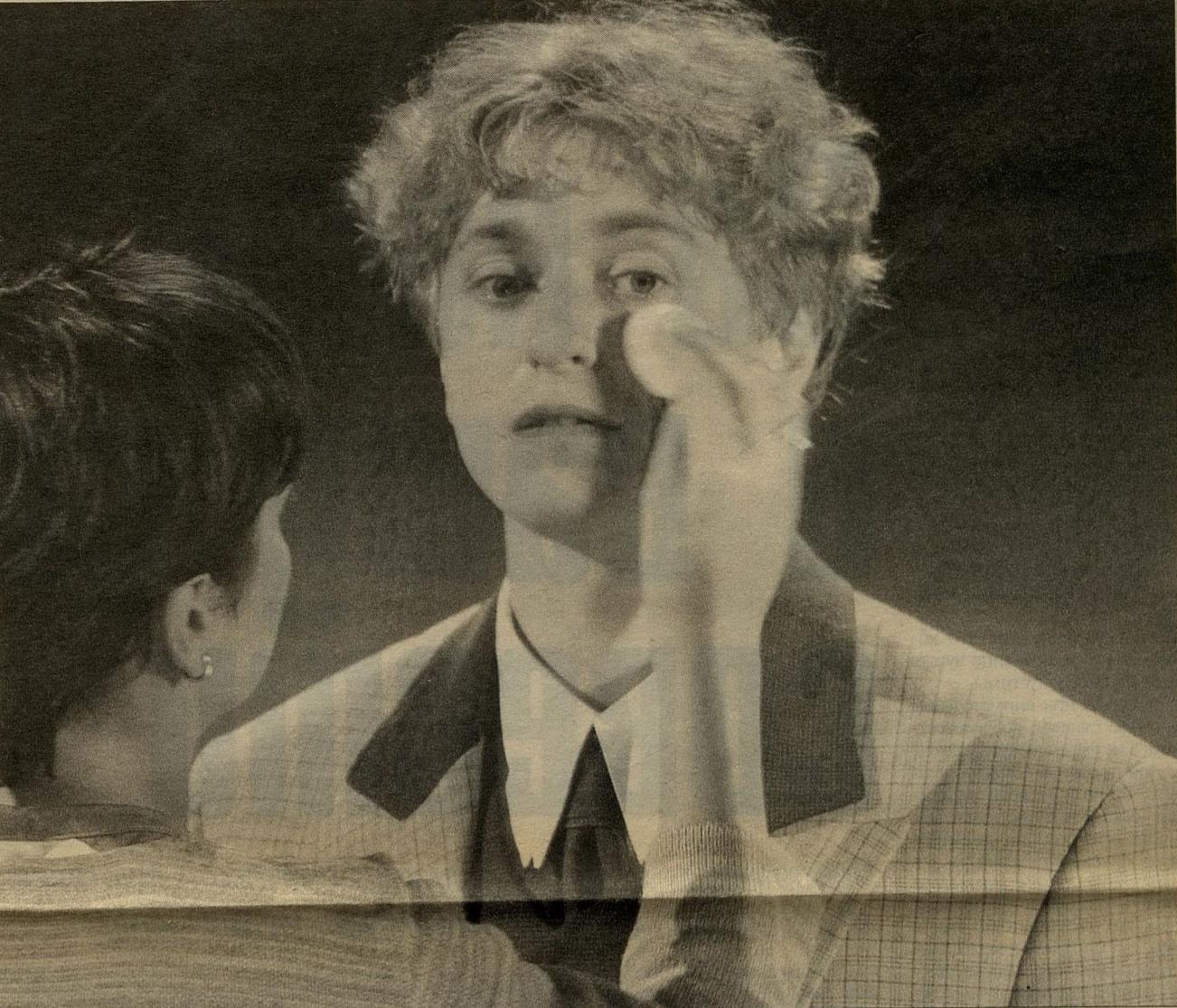
тернака, Мандельштама, Ахматову). С ним эта вульгарная операция не удалась бы.

Удастся ли нынче? Имею в виду — когда надоедливо идет не борьба за Есенина, а возня вокруг него. Когда его, спохватясь, посмертно приватизируют и ангажируют, словно мобилизуют в ряды «патриотов» (в кавычках, естественно), противопоставляя «инородцам» и «русофобам» вроде тех же Мандельштама и Пастернака. Когда на ТВ и в печати навязывается дикая версия об убийстве... А кто убил? Евреи? Гэбисты? Евреи-гэбисты? Такой вот широкий выбор... Потому, уже отчасти наслышанный на сей счет, с ужасом жду телеподарка — семейного летища Безруковых.

Ей-богу, кто-кто, а Есенин этой второй — и на этот раз уж точно насилиственной — смерти не заслужил.

Эта версия, полагаю, прежде всего оскорбительна

ИТАР ТАСС

Актёр Безруков сыграет Есенина в телефильме. Некоторые используют имя поэта в своих играх

Попытка убийства Есенина

Ее предприняли сразу многие накануне
юбилея поэта и после

для самого Есенина, для его уникальной, нежной, хрупкой природы. Для его феномена. Эка, подумать, невидаль в условиях «нашей советской» оказаться в бесконечном ряду тех, кто злокозненно умерщвлен внешней силой, будь то реальный карательный орган или мифический заговор. (В том ряду, куда мы по отвратительнейшей традиции тащим и Пушкина, коего будто бы сговорились пришибить два кореша, Николай с Бенкендорфом, и Лермонтова, мол, не случайно убитого человеком с отчеством Соломонович.) В то время как Есенин — читай его «тексты»! — неуклонно шел к самоуничижению.

Стоп. Шел-то шел, но чтобы неуклонно? Это уж, пожалуй, моя личная дань общей прямолинейности. Неуклон-

ности не было, коли в стихах, где он по-ребячни завидует пушкинской бронзе, строка, угадавшая неотвратимость судьбы: «Но, обреченный на гоненье...» — вдруг с такой прелестной нелогичностью продолжится: «...Еще я долго буду петь...». Долго! И все-таки человек, заявивший о скромном и невозможном: «Розу

белую с черною жабой / Я хотел на земле повенчать», — самим этим странным мичуринством был обречен. Был настолько несовместим с советской реальностью, год от году матеревшей в своей советской, что... Да о чём толковать! Возможно ли представить Есенина взошедшим в седовласый мастильный воз-

**Попытки завлечь Есенина
в соучастники пакостных или
хотя бы своекорыстных игр,
присвоение его кем бы то ни
было в каких бы то ни было
целях должно бы караться
как хищение общенородного
достояния**

раст? Невозможно — как Бло-
ка. Да и Маяковского трудно
вообразить пережившим ста-
линские тридцатые годы, но
тут опять разница. Маяковский,
конечно, не перевалил
бы через эпоху 37-го, но он и
убит бы был как государствен-
ный человек, в ранге Тухачев-
ского или Михаила Кольцова.
А Есенин...

Он не мог далее жить
именно потому, что был
слишком приспособлен для
жизни. Парадоксально? Ни-
чуть. Игравший в поэзии и в
быту в пастушка, в кудряви-
ча-королевича, в инока и
пророка, в шпану и фата, а
то и в ленинского почитателя,
он был бесхитростен и
естествен, как явление при-
роды (ее «органом» назвал
его Горький), как ливень или
метель. Слабый, пьющий,
боявшийся милиции и суда,
жестокий с женщинами,
равнодушный к собствен-
ным детям, он был неусту-
чивым воплощением радости

жизнь «просто так» в годы,
когда уже были регламенти-
рованы все поводы для радо-
стей. «Счастлив тем, что це-
ловал я женщин, / Мял цветы,
валялся на траве...» — и
ежели в этом наипростей-
шем, наилегчайшем пе-
речне возникает гордость, то
это гордость неучастия. ●

будничных пакостей: «...И
зверье, как братьев наших
меньших, / Никогда не бил
по голове», а пуще того — в
государственных злоде-
ствах: «...Не расстреливал
несчастных по темницам».

И эти радости, и эта гор-
дость неучастия — такие, по-
вторю, общепонятные и обще-
доступные, такие нээлитар-
ные, что их можно назвать ра-
достями и гордостью «среднего
человека», «прочих граждан»,
как определял своих персонажей
Михаил Зощенко. Да по-
чему бы и не назвать? Почему
бы не свести вместе обоих,
«крестьянского» поэта и «го-
родского» прозаика (который
ведь не в шутку охарактеризо-
вал себя в терминологии тех
лет «пролетарским писате-
лем», а вне терминологии мог
бы — и народным)?

Неучастие есть неус-
тупчивость, для обоих писа-
телей кончившаяся траги-
чески, хоть и по-разному, в
разные времена. Для поэта,
как водится, много раньше.
И попытки завлечь Есенина
в соучастники пакостных или
хотя бы своекорыстных игр,
присвоение его кем бы то ни
было в каких бы то ни было
целях должно бы караться
как хищение общенородного
достояния.